

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 2

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1999

странены книги по вероучению ханафитского *мазхаба* (Дрор, Мултана и др.). Ногайские *эфенди* и *муллы* имели солидные собрания религиозной литературы на арабском, ногайском, других тюркских языках. Среди грамотной части ногайского общества были распространены также периодические издания, выходявшие в России и за ее пределы: ногайская газета *Эдиль*, которую издавал астраханец Абдурахман ('Абд ар-Рахман) Умеров, российские газеты на *тюрки* Вақыт, Юлдуз, Ульфат, Тарджуман, турецкие — Мизан и Савах и др. В советские годы большинство книжных собраний погибло; сегодняшние частные и мечетские собрания в основном представляют собой то, что удалось спасти. В них высок удельный вес рукописной литературы.

В последние два-три года среди незначительной части Н., в основном молодежи, стали распространяться идеи «ваххабизма». В силу небольшого масштаба распространения «ваххабитских» идей и более спокойных форм религиозных процессов в Ногайской степи не наблюдалось всплеск противостояния между «ваххабитами» и ханафитами. Большого распространения какие-либо исламские партии или движения среди Н. не получили.

С начала 90-х гг. Н. активно восстанавливают широкие связи с внешним мусульманским миром, характерные для них до революции 1917 г. В Ногайской степи после 70-летнего перерыва появились свои *хаджи*, число которых растет. Налаживаются связи с ногайской диаспорой, в основном в Турции. Десятки молодых Н. обучаются в исламских вузах Египта, Кувейта, Саудовской Аравии, Турции и Ирана, в том числе в таких всемирно известных, как каирский ал-Азхар.

Лит-ра: А. К. Предания адасцев о святых секты ханафие, живших и умерших на Магпшлак // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. 7. Приложения. Тифлис, 1873, 5–17; В. М. *Викторин*. Ауля и мужавират (Следы доисламских верований у ногайцев окрестностей Астрахани) // Половецкая луна. 1993. № 3/7, 85–92; В. Б. *Виноградов*. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980, 6–13; Р. Х. *Керейтов*. Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев // СЭ. 1980, № 2, 117–127; А. Х. *Курмаисеитова*. Бытование арабско-письменной книги среди ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Вып. 3. Черкесск, 1990, 161–180; Г. *Перетяткович*. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки истории края и его колонизации). М., 1877; А. А. *Ярыкапов*. Ногайская степь: этнос и религия сегодня // ЭО. 1998, № 3, 89–98; De Weese. Islamization.

А. Я.

Ок-суяк (*ок-сиёк, ак-сияк* — тюрк.-тадж., «белая кость») — обобщенное название для части населения Средней Азии, претендующей на происхождение от мусульманских «святых». В Казах-

стане к О.-с. принадлежат также потомки Чингиз-хана. К имени представителей сословия О.-с. обычно добавляется приставка титул *хоң (хан)*. О.-с. противопоставляется «черни» (*карача, кара-халк*).

В Средней Азии представители О.-с. формально подразделяются на *ходжей (худжа, хожа, через перс. хаджа — «хозяин», «господин»)* и *сеидов (сейид, саид, сеит, сейит, от араб. сайид — «господин»)*. Считается, что *сеиды* — потомки дочери пророка Мухаммада — Фатимы и ее мужа — четвертого «праведного» *халифа* 'Али б. Аби Талиба (ум. от ранения в 661 г.), а *ходжи* — потомки первых трех *халифов* — Абу Бакра, 'Умара и 'Усмана, а также потомки Мухаммада б. ал-Ханафии (ум. в 700 г.), сына 'Али от другой женщины — ханафитки.

Большинство родословных (*шеджере, шаджара*), восходящих к первым «праведным» *халифам*, возникли достаточно поздно (после завоевания Средней Азии и Казахстана Чингиз-ханом в XIII в.) и, как правило, имеют фиктивный характер. Некоторые генеалогии изобретались даже вопреки известным из мусульманской истории фактам: так, иногда к *сеидам* причисляют мнимых потомков *халифа* 'Усмана и Рукайи, дочери пророка Мухаммада. История происхождения О.-с. пока еще не стала предметом детального изучения, поэтому в науке существует множество разных версий и гипотез по этой проблеме. Некоторые исследователи полагают, что О.-с. — настоящие потомки арабских завоевателей Средней Азии. Другие склоняются к мнению, что среднеазиатские «святые» происходят от местных суфийских «святых»; есть также точка зрения, что последователи определенного «святого» стали со временем рассматриваться в качестве его потомков. Интересным, хотя и недостаточно изученным, является мнение, согласно которому название О.-с. восходит к домусульманской духовной и светской элите среднеазиатского общества.

У населения разных регионов Средней Азии существуют более дробные градации О.-с. в зависимости от того, какие группы «святых» наиболее популярны в каждой местности. Например, в Ферганской долине: самые знатные — *тура*, вторые по знатности — *ишаны*, третьи — *ходжи*, последние — *махсумы*. Такая народная градация основана на представлении о том, насколько каждая группа смешана через браки с «черным» народом. В Туркмении наиболее почетными считаются *ходжи*, а после них, по нисходящей, — *шихи (шаих, шейх), матымы (махдум, махсум), сейиты (сеид, сайид), ата*; при этом разные группы соперничают друг с другом в знатности (например, *шихи с ходжами*).

Одна из важных черт привилегированного положения сословия О.-с. — эндогамия. Для женщин исключение из этого правила в прошлом делало очень редко, в основном это были браки с представителями светской знати. На мужчин принцип эндогамии распространялся лишь частично: к О.-с. долж-

на была принадлежать лишь первая жена, другие могли быть из «черни». Это, кстати, объясняет распространение среди О.-с. майората, когда отцу наследовал именно старший сын от матери-О.-с. Если у «святого» не было сыновей, его духовное достоинство и имущество переходило по наследству потомкам по женской линии.

Правила эндогамии действовали и в пределах отдельных семей или групп потомков «святых».

О.-с. занимало ключевые позиции и выполняло важные социальные функции в обществе. Представители О.-с. в обязательном порядке занимали высшие административные должности в судебной и военной сферах, в дипломатии (были посредниками между конфликтующими племенами и правителями, вели переговоры, улаживали споры), в системе образования (занимали, как правило, должности попечителей («*мутавалли*») и преподавателей («*мударрис*») в высших учебных заведениях — «*медресе* / «*мадраса*»), играли важную роль в системе финансового управления. О.-с. выполняли важные функции в экономике в целом: представители этого сословия были крупными землевладельцами, организаторами ремесленного производства, строительных работ, торговцами (так как могли пересекать территории разных враждующих племен и народностей, не боясь быть ограбленными или убитыми), играли значительную роль в освоении новых земель, руководя переселениями и контролируя сооружение и функционирование ирригационных систем. Среди О.-с. было немало философов, историков, поэтов, каллиграфов, врачей. Вокруг них собиралась и выростала местная «интеллигенция». Наконец, именно из числа представителей сословия О.-с. формировалась верхушка суфийских братств.

Некоторые государственные должности в течение долгого времени занимали представители одной и той же семьи О.-с. Так, на протяжении многих веков в Бухаре должности *шайх ал-ислама* (глава мусульман) и *ходжа калона* (глава *ходжей*, смотритель *вакфов*) занимали потомки «святого» *х'аджа* Абу Бакра Са'да (жил в X в.), а в ближайшем колене — известного *ишана* *ходжа* Ислама Джуйбари (духовный наставник 'Абдаллах-хана из рода Шибанидов-Джучидов), последователя братства *накшбандийа*; должность *накиба* (военный руководитель) — потомки «святого» *Сеид-ата* (по легенде, духовный наставник золотоордынского правителя *Узбек-хана* из рода Джучидов), который жил в XIII — начале XIV в. и был последователем братства *йасавийа*; должность *кази калона* (глава *казиев*, верховный судья) — *ходжа* Миракона, предки которого, породнившись с Аштарханидами, переселились в Среднюю Азию из хорасанского (персидского) г. Мешхеда в XVII в. В Фергане особое положение долгое время занимали потомки «святого» Бурхан ад-дина Кылыча (жил в XIII в.).

О.-с. составляли довольно значительную часть населения Средней Азии. Правда, общая численность среднеазиатских О.-с. неизвестна. Есть данные по отдельным регионам Туркестанского генерал-губернаторства. В 1884 г. в Ура-Тюбинском районе (Ходжентский уезд Самаркандской области) было 3184 *ходжей*, или около 7,8% всего населения. В 1902 г. в Маргиланском уезде Ферганской области было 677 дворов *ходжей*, 343 — *сайидов*, 74 — *шайхов*, 10 — *тура*, что составляло в общей сложности примерно 6 тыс. человек, или около 1,5% всего населения. По данным переписи середины 20-х гг., в бывшем Бухарском эмирате было 14 345 *тюрок-ходжей*, 20 925 *таджиков-ходжей*, что составляло около 2,5% всего населения. Среди туркменов (на территории нынешней Туркмении), в конце 20-х гг. было около 30 тыс. представителей «святого» сословия, или примерно 4% всего населения. Эти цифры позволяют оценить число О.-с. в современной Средней Азии примерно в 500 тыс. человек (при общей численности коренного населения более 40 млн. человек).

Лит-ра: А.А.Семенов. Происхождение туркменских сейидов и их древняя усыпальница Султан-Садат // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Клуба любителей археологии. Год 18-й (11 декабря 1913 — 1 апреля 1914). Таш., 1914; Иванов. Хозяйство; Демидов. Туркменские овладья; Р.Я.Рассудова. Термин «ходжа» в топонимии Средней Азии // Ономастика Средней Азии. М., 1978; О.А.Сухарева. Потомки Ходжа Ахрара // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985; С.С.Губаева. Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX в. (этнокультурные процессы). Таш., 1991, 34–36; Муминов. О происхождении.

С. А.

Панджа (перс.-тадж., «раскрытая ладонь», «пятаeria») — медное или железное навершие *тугов*, устанавливаемых на *мазарах* «святых». Этот же символ можно встретить среди настенных граффити мечетей, *ханак* и других сооружений *мазаров* Средней Азии. Представители различных богословско-правовых школ и внутриконфессиональных групп по-разному толкуют П.: значительная часть суннитского духовенства (в основном ханафиты) считают П. символом пяти устоев (*ал-аркан ал-хамса*) ислама; другие видят в П. знак единства пророка Мухаммада и его первых четырех *халифов*; некоторые авторы агиографических сочинений конца XVI — начала XX в. придерживались мнения, что П. — символ возрожденного в братстве (*тарики*) *накшбандийа* главного принципа преемственности, завещанного Пророком, который оставил четырех *халифов*; соответственно *накшбандийские шайхи* будто бы старались назначить своими преемниками «четырех главных *халифа*». Таким образом, П. становится символом *шайха-полюса* (*кутб*) и его